

В.Л.Бенин

НАРОДНЫЙ ШУТ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ИЛИ ЕЩЕ ОДИН ШТРИХ К ПОРТРЕТУ В.С.ВЫСОЦКОГО

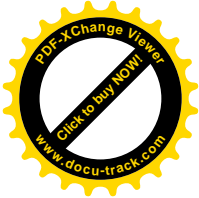
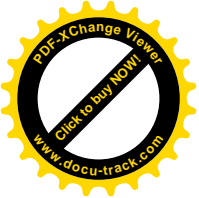
Сегодня, без малого четверть века спустя после смерти В.С.Высоцкого, уже нет смысла спорить о величине и значении этой личности и таланта. Его стихи изданы массовыми тиражами, антология его песен («Вам на кассетах или CD?») свободно продается в любом музыкальном магазине. Пламенные бойцы идеологического фронта перекрасились в записных демократов и активно принимают участие в организации тех вечеров памяти поэта, которые сами же запрещали в восьмидесятых. *«Не скажу про живых, а покойников мы бережем»*. И это не удивляет. Удивляет другое. Как феномен Высоцкого стал возможен при идеологическом диктате «развитого социализма»?

Полагаю, дело в том, что отчасти вольно, отчасти невольно, но В.С.Высоцкий взял на себя труднейшую роль шута и в этой роли был востребован на всех ступенях социальной лестницы, снизу (*«Не волнуйтесь, я не уехал»*) доверху (*«...Меня к себе зовут большие люди, чтоб я им пел «Охоту на волков»*). Говоря «шут» я ни в коей мере не хочу принизить его значение, поскольку «шут» - не значит «потешник».

Согласно словарю В.И.Даля, шут – это «человек, промышляющий шутовством, шутками, остротами и дурачеством, на смех и потеху людям; шут обычно *прикидывается дурачком* (выделено мною –В.Б.), напускает на себя дурь, и чудит, и острит под этой личиной». Социальная роль шута – под видом глупости говорить власти правду обо всем и прежде всего – о самой власти. Таким шутком для людей своего времени и был Владимир Семенович Высоцкий – Народный шут Советского Союза.

Чем, если не дурачеством, кажутся на первый взгляд все эти *«Ой, Вань, гляди какие клоуны»*, да *«Был в балете – мужики там девок лапают»*? И кто, кроме скомороха, способен на глумление над святынями отечественной словесности, будь то вещей Олег, который *«свою линию гнул, да так, что никто и не пикнул»*, или русалка, которая *«...однажды, как смогла, родила»*? Но за этим ерничеством спрятано вымученное *«Мы в очереди первые стояли, а те, кто сзади нас, уже едят»* и двусмысленное *«Настоящих буйных мало – вот и нету вожаков»* - то ли исторический вывод (прежние «вожаки» были буйными), то ли пророчество (Ужо вам! Придет пора и появится настоящий буйный!). Нет, говорить такое всегда позволялось только шуту. Для власти это сравнительно безопасно (мало ли что дурак болтает) и даже лестно (смотрите, что я ему позволяю).

Ум в дурацком колпаке – образ типологический. Не случайно он всегда привлекал внимание, а его литературные воплощения (безымянный

шут в «Короле Лире» В.Шекспира, Шико у А.Дюма, шут Балакирев у Г.Горина) столь яркие и трагичны. За право говорить то, что думаешь, они вынуждены были платить весьма не дешевой ценой. Право, я не вижу большой смысловой разницы между напускным юродством шута Лира («Они грозятся отхлестать меня за правду, ты – за ложь, а иногда меня бьют за то, что я отмалчиваюсь. Лучше быть чем угодно, только не шутом») и грустным выводом Высоцкого после очередного навязанного знакомства: *«Ну, что ж, мне поделом и по делам... Не надо подходить к чужим столам и отзываться, если окликают».*

Но даже не это в роли шута самое неблагоприятное. Его остроты всегда рассчитаны на понимание ситуации, на знание неких специфических деталей, на понимание не столько текста, сколько подтекста и обстоятельств сказанного, как говорят в театре, на «умение почувствовать себя в предложенных обстоятельствах».

Без знания подтекста разговор вообще невозможен. Классический тому пример – обращенный к могильщику вопрос Гамлета о причинах своего якобы помешательства (на какой почве принц сошел с ума?) и полученный им ответ: «Да все на той же, на нашей датской». Будь во времена Лира при его дворе магнитофоны, записи песенок шута вряд ли пользовались бы у йоменов Британии большой популярностью – укрытые в них намеки были понятны лишь посвященным.

Но поскольку значительная часть песен Высоцкого строится на подтекстах, они порождены теми общественно-политическими, идеологическими и экономическими условиями, в которых написаны. Для поколений, выросших в иных условиях, эти подтексты непонятны. Многозначительность шутки теряется для тех, кто не понимает, да и не может уже понять, контекста и подтекста. Поколению «На-на» и «Тату» Высоцкий уже не понятен, а потому и не нужен. Нельзя не заметить падения массового интереса к Высоцкому. Полагаю, что это объективный процесс. Высоцкий, безусловно, останется в истории отечественной словесности и может быть даже войдет в школьные хрестоматии и учебники литературы, но таким востребованным, как при жизни и первое десятилетие после смерти, он не будет уже никогда.

Парадокс в том, что время, о котором он мечтал, наступив, сделало его творчество всего лишь одним из моментов прошлой истории, к которой не хочется возвращаться.

«Возвращаются все, кроме тех, кто нужней...»